

**Источники раскрытия социальной реальности
прошлого: материалы Даугавпилсской
прокуратуры (1953–1964) о женских уголовных
преступлениях**

Iveta KRYLOVA
Даугавпилсский университет

Ключевые слова: *Даугавпилс, ДЗГА ЛНА, прокуратура города Даугавпилса, женщина, экономическое преступление, социальный портрет, советский период.*

Феномен женской преступности как социального явления в советский период истории Латвии (1944/45-1991) имел многогранные внешние проявления, особенный гендерный характер и ярко выраженную региональную специфику, что проявлялось в характере женских правонарушений, совершенных на территории города Даугавпилса. Тенденции женской преступности были характерны и для периода так называемой «хрущевской оттепели» (1953–1964). Женская преступность как социальное явление, зачастую отрицаемое официальными структурами власти или представленное как проявление антисоциальной сущности и поведения отдельных морально падших личностей женского пола, все-таки имело место и распространялась в социальной жизни социалистического общества.

В социологическом словаре Г. Осипова и Л. Москвичева социальная реальность определена как «особая, нередуцируемая форма существования человеческой реальности, специфику которой составляет совместное бытие индивидов в организованных социальных формах» (О с и п о в, М о с к в и - ч е в 2008, 387).

Социолог Э. Дюркгейм понятие «социальная реальность» определил как «особого рода бытие, имеющее свой смысл в силу своей особой – коллективной – природы и свои, только ей присущие закономерности. Социальная жизнь должна объясняться не представлениями ее участников, а более глубокими причинами, коренящимися в способах коллективной жизни людей. Социальная реальность надындивидуальная, ей принадлежит определяющая роль в детерминации человеческого сознания и поведения». Согласно теории Э. Дюркгейма, «социальная реальность доминирует над индивидуальной:

хотя исторически общество возникает как результат взаимодействия индивидов. Однако, возникнув, оно начинает жить по своим собственным законам, доминируя над индивидами, создавая их в процессе воспитания, сущность которого – социализация» (D u r k h e i m 1995, 116).

Согласно утверждению Т. Красиковой, «такая реальность относится к внеиндивидуальной жизни людей. Кроме того, это явление гораздо шире – оно включает в себя и институты, нормы, ценности т. д. При интегративном понимании социальная реальность предстает как система взаимодействий» (К р а с и к о в а 2008, 36).

Анализ материалов прокуратуры как исторических источников послужил основой для раскрытия и реконструкции социальной реальности прошлого «хрущевской эпохи», подтолкнувшей женщин города Даугавпилса встать на путь преступности. Преимуществом материалов прокуратуры как источников для реконструирования социальной реальности прошлого и места в нем женщин – преступниц является глубокое и прямое раскрытие фактов бытия данных женщин, зачастую неприглядных и вызывающих отвращение. Эти факты не раскрывались, а порой даже скрывались официальными источниками своего времени (изданиями прессы, публикациями, нормативными актами). Если официальные источники того времени имели тенденцию даже неприглядные социальные явления отражать как исключение из правил, а не как закономерность причинно-следственной связи между социальной реальностью с ее социально-экономическими проблемами и моральной деградацией ценностей, материалы прокуратуры в отражении фактов более правдивы. Данные источники помогают реконструировать историческую картину социальной реальности прошлого, дают возможность выявить корреляцию (взаимосвязь) между развитием и характером преступной деятельности женщин, характеристикой преступниц и реалиями социально-экономической жизни, порождающими упадок норм морали женщин (кражи, хищения, мошенничество, проституция), стремление преступить дозволенное в борьбе за достойное выживание (борьба за жилую площадь путем убийств, за мужчину-кормильца, спекуляция, аборт), или даже полный уход от реальности (сектантство). Исследование источников также позволяют раскрыть взаимодействие женщин-преступниц с общественными структурами социалистического общества. В работе рассмотрено, каким образом выявляется взаимосвязь между женской преступной деятельностью и социальной реальностью, а также феномен женской преступности как элемент и отражение социальной реальности.

Основой и источником исследования являются материалы дел прокуратуры Даугавпилсского Зонального государственного архива Национального архива Латвии (далее –ДЗГА НАЛ), 875 фонд, опись № 1. Фонд содержит

278 дел; в статье исследовано 33 дела, в которых как лица, совершившие преступное деяние, фигурировали 43 женщины.

В материалах 875-го фонда изучены экономические правонарушения, удельный вес которых в общей структуре преступной деятельности женщин на данный период времени составил около 90 % от всех преступных деяний. В рамках данной группы женских преступлений изучены и те экономические преступления женщин, которые не являются таковыми в классическом понятии (согласно правовым нормам Уголовного кодекса Латвийской ССР и Российской СФСР). Но автором работы они были классифицированы как экономические, так как имели экономический мотив и были косвенно спровоцированы влиянием социально–экономических условий данного этапа советского периода (нелегальные аборты, убийства и попытки убийств, проституция). В работе также рассмотрены преступные деяния женщин, которые, согласно данным правовым нормам, были квалифицированы как уголовные преступления: организация секты, внешнее девиантное проявление специфических черт личности (хулиганство, дача ложных показаний). Данные преступления являлись отражением социальной реальности своего времени.

Объем источников для изучения проблемы ограничен, потому что не все уголовные дела попали в прокуратуру и отсутствовали в архиве из-за проблем сохранности уголовных дел, а также не все женщины были уличены в совершении преступных деяний. Поэтому в исследование включены только те женщины, которые совершили преступные деяния и попали в поле зрения правоохранительных органов. В рамках исследования также рассмотрено 8 дел, которые были закрыты из-за нехватки улик и из-за отсутствия состава преступления. Среди этих дел – два дела, в которых фигурантки покончили с собой после совершения преступления.

По материалам прокуратуры за 1953-1964 годы установлено количество уголовных преступлений женщин и их удельный вес в общей структуре уголовных преступлений (в цифрах и %), а также количество женщин, совершивших преступные деяния (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Количество и удельный вес уголовных преступлений женщин
в общей структуре уголовных преступлений за 1953-1964 годы**

Год	Количество дел	Фигурируют женщины (количество дел и удельный вес в %)	Количество женщин, совершивших преступные деяния
1953	5	-	-
1954	11	-	-
1955	9	3 (33,3%)	3
1956	14	1 (7,1%)	3
1957	12	-	-
1958	12	4 (33,3%)	4
1959	9	1 (11,1%)	1
1960	21	1 (4,8%)	2
1961	19	3 (15,8%)	4
1962	24	3 (12,6%)	9
1963	20	4 (20%)	4
1964	29	5 (17,2%)	5
Итого	185	25(12,4%)	35
	Количество закрытых дел	Фигурируют женщины (количество дел и удельный вес в %)	Количество женщин, совершивших преступные деяния
1953–1964	60	8 (13,3%)	8
Итого	245	33(15,8%)	43

Источник: ДЗГА НАЛ

В работе анализировано 33 дела прокуратуры Даугавпилсского зонального архива с участием 43 женщин–преступниц. Проблемы классификации женской преступной деятельности связаны с тем, что в некоторых уголовных делах женщины шли сразу по несколько статьям Уголовного кодекса и им было инкриминировано несколько уголовных преступлений, например: попрошайничество (тунеядство) + кражи, кража + мошенничество, организация секты + спекуляция церковной атрибутикой, проституция + хулиганство, кража + хулиганство. А это зачастую свидетельствует о фигурантках уголовных дел как об опустившихся, маргинальных личностях без каких-либо моральных ценностей. Автором составлена структура женских уголовных преступлений (в %) в материалах прокуратуры, хранящихся в ДЗГА НАЛ за 1953–1965 годы (см. рис. 1).

Рис. 1. Структура женских уголовных преступлений за 1953-1964 годы

По материалам уголовных дел, среди преступных деяний удельный вес экономических (кражи, спекуляция, нелегальные услуги) был высок и составлял около 90% уголовных преступлений женщин, а удельный вес краж в структуре экономических преступлений в 1953–1964 годы составил одну треть из всех женских экономических преступлений и каждое десятое уголовное преступление, совершенное женщиной.

Такая статистика обусловлена тяжелым экономическим положением в городе. В советский период на территории Латвии, при существующих социально – экономических проблемах (дефицит товаров первой необходимости и качественных промышленных товаров, острая нехватка жилья, низкая оплата труда и др.) проблема экономической преступности была очень актуальной, и экономические преступления по этой причине зачастую были совершены женщинами как кормилицами семьи, иногда единственными (среди преступниц много матерей-одиночек). В 1953–1964 годы (время правления Н. Хрущева) экономические проблемы стали ярко выраженными, что являлось почвой для экономической преступности среди женщин.

Экономическое преступление в социалистической системе, согласно дефиниции немецкого историка Д. Филцера, это вид преступной деятельности в экономической сфере, направленный против личной и государственной социалистической собственности (F i l t z e r 2002).

Удельный вес краж в структуре преступлений очень высок, но, что характерно, объектами краж были простые предметы обихода – еда, одежда, даже бывшая в употреблении, посуда, постельное белье, простые орудия тру-

да (тыпки, лопаты, топоры). А это свидетельствует об остром дефиците как продуктов питания, так и одежды в магазинах, и даже о том, что некоторая часть населения города Даугавпилса жила в бедности и впроголодь, остро нуждаясь в одежде, обуви и предметах обихода. Воры не целились на жильё более состоятельных людей, а воровали там, где можно было легко и быстро проникнуть, и целью были простые вещи. Изучая материалы дел, можно сделать вывод, что существовала взаимосвязь между характером краж и уровнем образования и занятости преступниц: они – женщины простые, необразованные, иногда интеллектуально примитивные личности, которые простыми способами решали свои материальные проблемы.

Так, в уголовном деле № 99 (1961 год), две бездомные женщины–рецидивистки с сильной алкогольной зависимостью были уличены в попрошайничестве и в краже постельного белья с чердачного помещения жилого дома, а также в карманных кражах на местном рынке. В уголовном деле № 141 (1963) – кража в группе лиц, одно из которых – женщина. Агрипина Р. обворовала хозяйственные постройки и забирала кур, орудия труда и разные предметы обихода. В деле № 19 (1955) гражданке Ольге Б., рецидивистке с шестью судимостями, инкриминированы несколько преступных деяний против личной собственности граждан. Предметами краж стали продукты (мука, мясо, варенье, сало), пользованная детская и женская одежда, постельное белье, посуда. В материалах дела № 143 (1955) фигурировала воровская банда, главарем которой являлась некая Мария Ч. Они уличены во взломе сарая, их добыча – живой гусь, матрац и орудия труда. В деле № 53 (1958) рецидивистка Анастасия О., проникая в прихожие, украла перчатки и часы. А в деле № 54 (1958) две ранее судимые женщины Ирэна Н. и Софья И. объединили кражу с мошенничеством: выдавая себя за целительниц, проникли в квартиру парализованной женщины и украли пальто, платье и туфли. Как видно из материалов уголовных дел, женщины лихо шли на преступления, и их не удерживал даже страх и реальный шанс надолго попасть в исправительно–трудовые лагеря, где права человека не соблюдались.

По Д. Филцеру, «декрет от 4 июня 1947 года президиума Верховного Совета СССР «Об усиленной защите личного имущества граждан» как репрессивная мера позднего сталинизма «развязал руки» у правозащитных органов для гонения мелких воров <...>, предусматривая для них наказание сроком от 5 до 25 лет» (F i l t z e r 2002, 3).

Хищение социалистической собственности также имело место в общей структуре женских уголовных преступлений. Самое скандальное – уголовное дело по хищению социалистической собственности (постельного белья со склада и общежития Даугавпилсского Университета завхозом Надеждой С. на сумму 115 746 рублей). Женщина была объявлена во Всесоюзный розыск (дело № 52, 1958). Остальные уголовные дела – присвоение небольших сумм с касс организаций, имущества предприятия в небольших объемах. Женщи-

ны, совершившие такого рода преступления, отличались от других правонарушительниц более высоким уровнем образования, в том числе профессионального, зачастую налаженной личной жизнью и иногда даже наличием совести. Два уголовных преследования были прекращены, потому что обвиняемые, не выдержав позора, покончили жизнь самоубийством.

В обществе существовало двуликое отношение к некоторым экономическим правонарушениям. Те же самые преступления, обозначенные как «хищение социалистической собственности», публично громко осуждались, но на практике сотрудники совершали мелкие кражи продукции заводов, столовых и пр. Или, например, спекуляция: официально она осуждалась, и за нее предусмотрено уголовное наказание.

Спекуляция (на латинском языке *speculatio*, буквально – высматривание), по советскому уголовному праву одно из опасных хозяйственных преступлений, посягающее на нормальную деятельность советской торговли, на интересы покупателей. Состоит в скупке и перепродаже товаров и иных предметов с целью наживы (*Большая Советская энциклопедия* 1971, 1028). Для признания деяния спекуляции не имеет значения, где и у кого куплен товар (в магазине или на рынке, у законного владельца или недобросовестного приобретателя), а также, кому он продан: государственной или общественной организации, колхозу или отдельному лицу. Уголовная ответственность за спекуляцию наступает с 16 лет (*Большой юридический словарь* 2003, 760).

Но, тем не менее, общество активно пользовалось услугами спекулянтов, порождая спрос на данные услуги и подталкивая женщин с предпринимательскими задатками, любящих деньги, к преступной деятельности. О том, насколько было выгодно, говорит систематический характер спекуляции в течение нескольких лет и отличная организация спекулятивной сети даже во Всесоюзном масштабе, вопреки страху уголовной ответственности и конфискации имущества. По материалам уголовных дел (протоколам допросов свидетелей) видно, что и свидетели, и сами правонарушители спекуляцию не воспринимают как нечто наказуемое, а как доступный способ улучшения бытовых условий граждан в условиях, когда «в магазинах ничего нет». Спекулянты заслужили неформальное общественное порицание только в случае, если кого-то обманули с качеством товара или не предоставили сам товар.

В материалах 875-го фонда в трех уголовных делах фигурировало пять спекулянтов, из них три действовали в группе. Предметы спекуляции простые – шерсть, головные уборы, ткани, фрукты, овощи, баранина. Одна из спекулянтов, Геновайте А., родом из Литвы, задержана за то, что возила из своей республики текстильные изделия с целью дальнейшей продажи на территории Латвийской ССР (дело № 183).

В материалах уголовных дел были изучены и экономически мотивированные преступления: убийства, мошенничества с целью наживы и другие, объединяющий фактор которых – материальная выгода. Основой данных

уголовных преступлений служил социально-экономический фон города, создавая социальную реальность, в которой женщине, чтобы хоть немного улучшить свой быт, приходилось идти на отчаянные шаги.

Острая нехватка любого жилья в городе в 50-ые – 60-ые годы порождала преступные деяния среди женщин, и отчаяние в попытках решить «квартирный вопрос» подталкивало их даже на убийства. Так, в деле № 92 гражданка Ефросинья У. в мае 1962 года оставила новорожденного малыша в ельнике, мотивируя свой поступок попыткой таким образом сохранить место в комнате на даче, где проживала с матерью и где не было места ребенку. А это говорит о том, что советская власть не могла дать жилье матерям–одиночкам с детьми даже в кризисных ситуациях, что остро противоречит пропагандистским лозунгам советской власти о поддержке матери и ребенка.

Женские преступления, которые изначально можно объяснить как последствия бытовых конфликтов, на самом деле имели более глубокие корни, растущие в «квартирном вопросе»; они были вполне умышленными, что видно при более глубоком анализе протоколов допросов и показаний свидетелей. В деле № 168 (1964) гражданка Ольга Р. убила престарелого лежачего отца ударом в висок эмалированной кружкой за сопротивление плану дочери обмена жилья на жилье в Ленинграде. А в деле № 80 (1959) Клавдия С. совершила убийство сестры матери ножом с целью получения ее жилой площади. Насколько глубок и проблематичен был «квартирный вопрос», говорят описания бытовых условий фигуранток уголовных дел. В делах неоднократно встречаются описания бараков, дач, «временок», частных домов, комнат в общежитиях, где в одной комнате ютились три поколения, кто-то из родственников, а за ширмой еще квартирант. Жилищный вопрос в Даугавпилсе усугублялся благодаря географическому расположению города (близость границ, наличие железно-транспортных путей), многонациональному составу с доминирующим количеством русскоговорящего населения и процессам миграции из Белорусской ССР и Российской СФСР в более благополучные республики: мигранты чувствовали здесь себя уютно. Многие из них приезжали к родственникам, которые уже закрепились в городе и их приютили.

Нехватка жилья была благодатной почвой для квартирного мошенничества (дело № 112, 1960). Две женщины Валентина С. и Мальвина Ш., выдавая себя за сотрудниц домоуправления, выманили у восьми пострадавших суммы в размере от 200 до 1300 рублей.

Тяжелый быт не мог не повлиять на морально-этические ценности населения. О моральном упадке ценностей как результате взаимодействия женщины и суровой социальной реальности своего времени свидетельствует характер преступлений против личной собственности граждан, а также бытовые преступления.

В деле № 131 (1963) шестикратно ранее судимая Октябрина К. была задержана за кражу с элементами мошенничества: обворовала несколько до-

верчивых нетрезвых мужчин, оправдывая себя тем, что деньги не крада, а брала за сексуальные услуги.

В 1959 году была арестована, но из-за нехватки улик оправдана некая Мария М. Ей выдвинули обвинение в проституции и содержании притона, куда ходили офицеры и солдаты, там же они неоднократно были обворованы, но, чтобы избежать скандалов, они отказывались писать заявления в милицию. На самом деле цель женщины была проста – родить десять детей и получить статус матери–героини, суливший ей разные материальные блага.

Уже упомянуто попрошайничество, которое в совокупности с тунеядством предусматривало крайнюю маргинализацию женщин.

В законодательстве СССР попрошайничество рассматривалось как разновидность тунеядства и стремление уклониться от общественно полезного труда, и за него предусматривалась уголовная ответственность (статья 209 Уголовного кодекса РСФСР «Систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством»): «Систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством, продолжаемое после повторного предупреждения, сделанного административными органами, – наказывается лишением свободы на срок до двух лет или исправительными работами на срок от шести месяцев до одного года.» (УК РСФСР от 27.10.1960).

Но, тем не менее, женское бродяжничество имело место. Попрошайничество, в совокупности с мелкими кражами, совершенными бродягами, являлось способом выживания крайне девиантных элементов женского пола с алкогольной зависимостью и богатым криминальным прошлым.

В материалах уголовных дел 875-го фонда фигурируют и нелегальные аборт. Среди уголовных дел фигурируют три, в которых привлечены к уголовной ответственности две женщины, за небольшое вознаграждение промышленяющие нелегальными абортами, и одна, сделавшая себе аборт сама (дело № 229, 1953). Почему их клиентки доверяли свой организм лицам, не имеющим медицинского образования, делавшим аборт в антисанитарных условиях, на дому, с помощью нестерильных инструментов и мыльной жидкости или марганцовки, что вызывало осложнения, остается открытым вопросом. Это и страх, и стыд перед обществом, и тяжелые бытовые условия, безработица, несколько детей в семье, отсутствие партнеров или деструктивные партнерские отношения.

В борьбе за женское счастье, что обусловлено не любовью, а тем, что в 50-ые – начале 60-ых годов мужчины чаще имели более высоко оплачиваемую работу, чем женщины, и зачастую содержали своих жен-домохозяек, некоторые женщины были привлечены к уголовной ответственности за хулиганство. Так, гражданка Анфиса Г. была привлечена к уголовной ответственности за погром и неоднократное избиение жены своего любовника (дело № 109, 1961).

Сектантство как уход от неприглядной социальной реальности и тяжелых бытовых условий в свете антирелигиозной пропаганды начала 60-тых годов

не было особенно популярным. Но, тем не менее, прецеденты имели место. В 1962 году фигурировало скандальное дело № 134 о секте пятидесятников, в котором действовали восемь женщин. Женщинам также инкриминировали спекуляцию церковной атрибутикой. Что тянуло женщин в секты, не смотря на гонения со стороны общества и советской власти? Возможно, поиски духовности, моральных ценностей, чего не находили в обществе.

Изучение материалов прокуратуры из 875 фонда Даугавпилсского зонального государственного архива, а именно – уголовных дел за 1953-1964 годы дало возможность реконструировать социальную реальность и место женщины в социальной жизни, отражение которой раскрывает контекст уголовных преступлений, совершенных женщинами. Уголовные преступления женщин – это «поверхность айсберга», выявляющие влияние и взаимодействие социальной среды, экономических факторов, упадок норм морали, порождающие разные формы женской девиации. Они связаны с ограниченными возможностями реализации потенциала самих женщин в условиях социальной реальности, что остро противоречит советской пропаганде о правах женщин. Данная работа также раскрывает влияние социальной среды, способствующей образованию женских банд, и мотивы, которые во взаимодействии с личными чертами характера женщин способствовали росту женской преступности. Материалы Даугавпилсской прокуратуры с точностью раскрывают причины конфликтов женщины и закона. В материалах прокуратуры это раскрыто прямо, точно, без приукрашивания, формирования общественного мнения и идеологических наслоений.

Библиография

LNA DZVA, 875.fonds, 1.apraksts.

Закон РСФСР от 27.10.60 «Об утверждении уголовного кодекса РСФСР» (вместе с «Уголовным кодексом от РСФСР»). Редакция от 27.10.1960

D u r k h e i m 1995 – E. Durkheim, *The Elementary Forms of the Religious Life*, translated by Karen Fields, New York: Free Press.

F i l t z e r 2002 – D. Filtzer, „Wirtschaft und Gesellschaft in der Nachkriegszeit. Plaggenborg“, S. (Hg.), „Handbuch der Geschichte Russlands“, Bd. 5/I: 1945–1991. *Vom Ende des Zweiten Weltkriegs bis zum Zusammenbruch der Sowjetunion*, Stuttgart.

Большая советская энциклопедия 1971 – *Большая Советская энциклопедия*, Москва: Наука.

Большой юридический словарь 2003 – *Большой юридический словарь*, под. ред. А. Я. Сухарева, Москва: Инфра.

К р а с и к о в а 2008 – Т. Красикова, «Проблема конструирования социальной реальности в теории массовой коммуникации», *Современный дискурс – анализ*, Белгород, БелГУ, 36–45.

О с и п о в, М о с к в и ч е в 2008 – Г. Осипов, Л. Москвичев, *Социологический энциклопедический словарь*, Москва: НОРМА.

Iveta Krylova

Šaltiniai, atskleidžiantys praeities socialinę tikrovę: Daugpilio miesto prokuratūros medžiaga apie moterų nusikalstamumą (1953–1964 m.)

S a n t r a u k a

Pagrindinės sąvokos: *Daugpilis, Daugpilio miesto prokuratūra, moteris, ekonominis nusikaltimas, socialinis portretas, sovietinis laikotarpis.*

Sovietmečiu, vadinamuoju Chruščiovo laikų atšilimo laikotarpiu (1953–1964), socialinės ir ekonominės problemos tapo moterų nusikalstamumo priežastimi Latvijoje. Tuo metu Latvijos gyventojai išgyveno pagrindinių prekių trūkumą, migraciją, būsto trūkumą, gaudavo mažas kompensacines išmokas ir kt. Dėl tokių socialinių ir ekonominių sąlygų stipriai sumenko visuomenės moralinės vertybės, o tai savo ruožtu paveikė moterų nusikalstamumą. Ši problema atsispindėjo ir Daugpilio miesto prokuratūros sukauptoje medžiagoje. Rekonstruojant moterų padarytus nusikaltimus, kaip socialinį realybės elementą, tyrime remtasi prokuratūros medžiagos analize. Daugpilio prokuratūroje sukaupta medžiaga apima moterų nusikaltimų istoriją (1953–1964 m.), padedančią iširti ir rekonstruoti socialinę realybę: baudžiamųjų bylų medžiaga (sulaikymo protokolai, apklausų protokolai ir kt.) tiesiogiai ar netiesiogiai atskleidžia socialinę realybę ir moterų padėtį visuomenėje, apie ką spaudoje būdavo dažnai nutylima. Nagrinėjamų šaltinių skaičius yra ribotas, nes ne visos baudžiamosios bylos patekdavo į prokuratūrą, o archyvuose saugumo sumetimais jos dažnai būdavo ir nesaugomos, be to, ne visos moterys buvo nuteistos už nusikalstamas veikas. Tik tos moterys, kurios padarydavo nusikalstamas veikas, patekdavo į teisėsaugos akiratį. Straipsnyje analizuojamos 33 bylos, saugomos Daugpilio archyve, bei 875-ojo fondo medžiaga, apimanti 43 moterų, padariusių nusikalstamas veikas, informaciją. 875-ojo fondo medžiaga apima ekonominius nusikaltimus ir moterų padarytus nusikaltimus, o juos veikė sovietinio laikotarpio socialinės ir ekonominės sąlygos (nelegalūs abortai, žmogžudystės ar bandymai nužudyti, prostitucija, elgetavimas, vandalizmas ir kt.).

Iveta Krylova

The Sources Disclosing the Social Reality in the Past: Materials of Daugavpils Prosecutor's Office (1953–1964) of the Female Criminals

S u m m a r y

Keywords: *Daugavpils, Daugavpils prosecutor's office, woman, economic crime, social portrait, Soviet period.*

In the Soviet period, also called “Khrushchev thaw” (1953 – 1964), in the territory of Latvia, social and economic problems became pronounced like the foundation for crime among women. There were social and economic problems – the deficit of essential goods, low compensation, migration, shortage of housing, etc., which provoked the decline of moral values in society and among women, and this, in turn, motivated women to commit crimes. This problem was vividly expressed in the materials of Daugavpils prosecutor's office. The analysis of materials of prosecutor's office formed a basis for the reconstruction of crimes committed by women like the elements of social reality. Materials of Daugavpils prosecutor's office include the history of crimes committed by women (between 1953 and 1964), which are the sources to explore and construct the social reality in the past: materials of criminal cases (protocols of detention, minutes of the interview and so on) directly or indirectly reveal the reality of social life of the past and women's lives in society, that was kept in silence by the press and other official sources of that time. The volume of sources for studying the problem is limited because not all criminal cases have got in prosecutor's office and were absent in the archive because of the problems of safety of criminal cases, and also not all women have been convicted of committing crimes. Therefore, only those women who committed criminal actions were captured, coming into the view of law enforcement agencies. The article analyzed 33 cases of the Daugavpils Zone Archive and the 875th fund in which, as a result of criminal action, 43 women were involved. In materials of the 875th fund the economic crimes and crimes committed by women were studied as well. However, these crimes were provoked by the influence of social and economic conditions of the Soviet period: illegal abortions, murders and attempts of murders, prostitution, begging, parasitism and vandalism, sectarianism as a retreat from reality.

I v e t a K R Y L O V A
Daugavpils Universitāte
Vienības iela 13
LV-5401 Daugavpils
Latvia
[nikki75@inbox.lv]

*Straipsnis gauts 2017 m. gegužēs 22 d., priimta 2017 m. rugsējo 27 d.
Received 22 May 2017, accepted 27 September 2017.*

Copyright of Acta Humanitarica Universitatis Saulensis is the property of Acta Humanitarica Universitatis Saulensis and its content may not be copied or emailed to multiple sites or posted to a listserv without the copyright holder's express written permission. However, users may print, download, or email articles for individual use.